

XXII ВСЕСВІТНІЙ КОНГРЕС ІЗ ФІЛОСОФІЇ ПРАВА І СОЦІАЛЬНОЇ ФІЛОСОФІЇ «ПРАВО І СПРАВЕДЛИВІСТЬ У ГЛОБАЛЬНОМУ СУСПІЛЬСТВІ»

Юрген Габермас (Juergen Habermas) (р. 1929) – всесвітньо відомий німецький філософ і соціолог, видатний представник Франкфуртської школи. В 1960-70-х рр. його погляди зробили значний вплив на студентський рух в багатьох країнах Заходу. В 1971-80 рр. Габермас – директор Інституту Макса Планка в Штарнберзі, з 1983 р. професор університету в Франкфурті-на-Майні. Юрген Габермас – признаний «володар дум» європейської інтелектуальної еліти.

Ю. Хабермас

КАНТОВСКИЙ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА. ЕСТЬ ЛИ У НЕГО БУДУЩЕЕ?

(Перевод с английского Сергея Максимова за: Habermas Juergen. The Kantian Project of the Constitutionalization of International Law. Does It Have a Chance? // Law and Justice in a Global Society. Plenary session. Lectures. – IVR; Universidad de Granada, 2005. – P. 115–126)

Со своей концепцией «космополитического правопорядка» («cosmopolitan condition», weltbürgerlicher Zustand)¹ Кант вышел за пределы международного права, ориентированного исключительно на государства. Только вследствие двух мировых войн конституционализация международного права в соответствии с предначертанием Канта эволюционировала по направлению к космополитическому праву². Однако с прекращени-

ем существования биполярного мирового порядка и выходом на арену США в качестве доминирующей мировой силы возник альтернативный взгляд на мировое устройство. В этой ситуации кантовский проект космополитического порядка должен противостоять не только традиционному возражению «реалистов», утверждающих квази-онтологический примат грубой силы над правом, но и позиции новых оппонентов, которые выступают под знаменем либерального *этноса*, предлагаемого в качестве *альтернативы* международному праву.

Согласно концепции реалистов, нормативное обуздание политической власти через право возможно только в пределах суверенного государства, чье существование основано на способности утверждать себя с помощью силы. Исходя из этой предпосылки, международному праву всегда будет не хватать преимуществ права, обеспеченного санкциями. Спор между кантианскими идеалистами и реалистами карл-шмиттовского толка о пределах юридикации (juridification) международных отношений³ сегодня перекрывается другой, даже более интенсивной дискуссией

¹ Выражение «космополитический правопорядок» не является буквальным переводом ни английского «cosmopolitan condition», ни немецкого «weltbürgerlicher Zustand» («всемирно-гражданское состояние»), а скорее «пересказом», наиболее адекватно, на наш взгляд, выражающим смысл данного конструкта в контексте концепции Ю. Хабермаса (примечание переводчика).

² [Подальший формат посланья відображає формат оригіналу публікації – Ред.] Bardo Fassbender «The United Nations Charter as Constitution of the International Community», in *Columbia Journal of Transnational Law* 36 (1998), pp. 529–619; J. A. Frowein «Konstitutionalisierung des Völkerrechts», in *Völkerrecht und internationales Recht in einem sich globalisierenden internationalen System*, Bericht der Deutschen Gesellschaft für Völkerrecht, vol. 39 (Heidelberg: [...], 2000), pp. 427–47; более подробно см.: Hauke Brunkhorst, *Solidarität. Von der Bürgerfreundschaft zur globalen Rechtsgenossenschaft* (Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2000); Brun-Otto Bryde, «Konstitutionalisierung des Völkerrechts und Internationalisierung des Verfassungsrechts», in *Der Staat* 42 (2003), pp. 62–75.

³ Czempiel, *Neue Sicherheit in Europa. Eine Kritik an Neorealismus und Realpolitik* (Frankfurt am Main, 2002).

ей. Проект нового либерального мирового порядка под знаменем *Pax Americana*, отстаиваемый неоконсервативными сторонниками нынешней администрации США, поднимает вопрос о том, должна ли *юридификация* международных отношений быть заменена *морализацией* международной политики – морализацией, которая определяется этосом сверхдержавы.

Одно время идеалисты и реалисты никак не могли прийти к согласию по поводу того, возможна ли вообще справедливость в отношениях между нациями¹. Новая дискуссия разгорелась вокруг иной проблемы – остается ли право подходящим средством для реализации декларированных целей достижения мира и международной безопасности, содействия демократии и прав человека во всем мире? Спор идет о *способе* достижения этих целей: либо они должны быть достигнуты через юридически установленные процедуры демократической, хотя часто слабой и избирательно действующей международной организации, либо же – через односторонне навязанные решения доброжелательного гегемона. На первый взгляд, проблема кажется исчерпанной в свете таких событий, как низвержение статуи Саддама с пьедестала в Багдаде. Тогда правительство США дважды пренебрегло международным правом, сначала провозгласив свою Национальную доктрину безопасности в сентябре 2002 года, а затем – захватив Ирак в марте 2003 года. Кроме того, оно маргинализировало ООН, для того чтобы утвердить приоритет своих собственных, уже не юридически, но *этически* оправданных национальных интересов.

Возникают сомнения в нормативной правильности этого одностороннего (unilateral) подхода. В поисках аргумента мы можем исходить из контрафактической предпосылки, заключающейся в том, что американские действия должны были бы реализовать более эффективно те цели, которые до сих пор нерешительно и с весьма скромным успехом преследовались Организацией Объединенных Наций. Или же нам следует придерживаться альтернативного проекта конституционализации международного права и воскресить всемирно-историческую миссию, некогда провозглашенную президентами Вильсоном и Рузвельтом? Уверен, что кантовский проект возможен в случае, если США снова обратятся к идее интернационализма, которую они исповедовали после 1918 и 1945 годов, и возьмут на себя роль лидера в раз-

витии международного права в сторону «космополитического правопорядка».

Мне бы хотелось: (1) объяснить кантовский проект, затем (2) кратко проверить перспективы для модифицированного космополитизма в свете истории международного права и, наконец, (3) возвратиться к поставленному вопросу: как осуществить нормативно обоснованный выбор между конкурирующими в настоящий момент проектами.

(1) Для Канта право не является просто ситуативным *средством* для установления мира между государствами; скорее, он представляет мир между народами в терминах правового мира². В этом заключается существенная разница между Кантом и Гоббсом. Подобно Гоббсу, Кант настаивает на связи между правом и обеспечением защиты мира. Однако, в отличие от Гоббса, он не связывает правовое умиротворение общества с возвратом к парадигмальному обмену покорности граждан на гарантии защиты, предложенные государством. В кантовской республиканской перспективе *умиротворяющая функция* права концептуально соединена с *функцией защиты свободы*, характерной для правового состояния, которое граждане своим собственным выбором принимают как легитимное. К космополитическому расширению национального состояния гражданских свобод, впервые достигнутых в рамках конституционного государства, стремятся потому, что это дает начало вечному миру не только как предпочитаемой цели, но и как принципу права.

Эта концептуальная связь между телосом мира и принципом права также объясняет перспективу, благодаря которой Кант разгадал общий ход истории: «Проблема установления совершенного гражданского устройства зависит от проблемы законосообразных (law-governed) внешних связей между государствами и не может быть решена без решения последней»³. Здесь отношение к «гражданскому устройству» является решающим: международное право, которое регулирует отношения между государствами, должно быть вытеснено конституцией сообщества государств. Только тогда государства и их граждане вступят в «правовые отношения» («law-governed relation») друг к другу.

² Volker Gerhardt, *Immanuel Kants Entwurf 'Zum ewigen Frieden'* (Darmstadt, 1995).

³ Kant, «Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Intent», in Kant, *Perpetual Peace and Other Essays*, trans. Ted Humphrey (Indianapolis: Hackett, 1983), p. 34. Кант И. Идея всемирной истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках: В 4-х т. – Т. 1. – М., 1994. – С. 101.

¹ Thomas L. Pangle and P. J. Ahrens Dorf, *Justice among Nations* (Lawrence, Kansas, 1999).

Кант использует модель «гражданского устройства» национального государства (*staatsbürgerliche Verfassung*), чтобы дать содержание общей идее «космополитического устройства» (*weltbürgerliche Verfassung*) в форме «всеобщего государства народов» (*allgemeiner Völkerstaat*). В смелом наброске космополитического порядка он черпает вдохновение из революционных, учреждающих конституции действий своего времени. Республики, появившиеся благодаря американской и французской революциям, были первыми и в то время единственными формами утверждения права, которые удовлетворяли республиканским стандартам легитимации, «когда все решают относительно всех, стало быть, каждый относительно самого себя; ведь только самому себе никто не может причинить несправедливость»¹. Исходя из этих примеров, устройство международного сообщества было возможно только в форме республики республик, то есть как «республиканизм всех государств»², или как «мировая республика»³. Таким образом, революционное устройство национального государства становится моделью для перехода от классического международного права к космополитическому праву – и тем самым вводит Канта в заблуждение относительно вышеприведенной характеристики гораздо более абстрактной идеи «космополитического правопорядка». Вопреки Канту, я хотел бы защитить тезис о том, что нет необходимости интерпретировать цель конституционализации международного права в терминах единой целостности – мировой республики.

Суть нововведения кантовского проекта заключается в трансформации международного права, как права *государств*, в космополитическое право, как права *государств* и *индивидуумов*. Последние являются субъектами права не только как граждане их собственных государств, но и как члены «космополитического союза».⁴ Граж-

данские права индивидуальных лиц в настоящее время пронизывают даже международные отношения. Но, по Канту, цена, которую суверенным государствам придется заплатить за то, что их граждане станут гражданами мира, – выражается в подчинении высшей государственной власти.

В своих работах Кант никогда не отказывался от *идеи* полной конституционализации международного права в форме мировой республики. Он был убежден в том, что в конечном итоге должен быть достигнут прогресс. Начиная с (а) приручения военной силы гуманитарным международным правом, через (b) запрещение наступательных войн, история должна (с) приблизиться к цели космополитического устройства. В свое время Кант считал, что национальные государства еще недостаточно созрели и им предстоит пройти процесс обучения. В качестве «суррогата» мировой республики он, таким образом, обратился к *добровольной* федерации государств, которые *морально* привержены делу мира, даже если они остаются *юридически* суверенными государствами. Этот переходный проект лиги наций предполагает постоянно расширяющуюся федерацию коммерческих республик, которые отказываются от агрессивных войн и принимают неформальное обязательство выносить возникающие между ними конфликты на международный арбитражный суд. Как хорошо известно, надежды Канта основываются главным образом на историческом контексте трех *взаимосвязанных тенденций*.⁵

– мирный характер республик, авангард которых должен быть представлен лигой наций; правительств, которые зависят от согласия своих граждан, должны воздерживаться от наступательных войн;

– умиротворяющий эффект свободной торговли, которая делает государственных акторов зависимыми от растущего взаимодействия на мировом рынке и вынуждает их взаимодействовать друг с другом;

– критическая функция возникающей глобальной публичной сферы, мобилизующей совесть и политическое участие граждан во всем мире, потому что «нарушение права в одном месте чувствуется во всех других».⁶

¹ Kant, «Theory and Practice», p. 295; Кант И. О поговорке «может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках: В 4-х т. – Т. 1. – М., 1994. – С. 297.

² Kant, «Conclusion to Doctrine of Right», *Metaphysics of Morals*, p. 123. Кант И. Метафизические начала учения о праве. Заключение // Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. – СПб, 1995. – С. 390.

³ Kant, «Toward Perpetual Peace», p. 328. Кант И. К вечному миру. – С. 395.

⁴ *Ibid.*, p. 308; Там само. – С. 349. См. также ниже в работе «Toward Perpetual Peace», p. 322 п. («К вечному миру»), где Кант связывает космополитическое право с лицами, которые «рассматриваются как граждане общечеловеческого государства» – С. 373.

⁵ Для более полного обсуждения см.: Habermas, «Kant's Idea of Perpetual Peace: At Two Hundred Years Historical Remove» in *idem, The Inclusion of the Other*, trans. Ciaran Cronin (Cambridge, MA: MIT Press, 1998), pp. 165–201; Хабермас Ю. Кантова идея вечного мира – из 200-летней исторической перспективы // Хабермас Ю. Вовлечение другого / Пер. с нем. Ю.С. Медведева. – СПб: Наука, 2001. – С. 271–332.

⁶ Kant, «Toward Perpetual Peace», p. 330 (translation modified); См.: Кант И. К вечному миру. – С. 403.

Было много размышлений по поводу того, почему Кант, в своем трактате «К вечному миру», ввел более слабую концепцию лиги наций. Для краткости я лишь суммирую главный ход мыслей: Кант понимал постоянный мир во всемирном масштабе как следствие полной конституционализации международных отношений. Те же принципы, которые до сих пор были реализованы только в конституциях отдельных республиканских государств, должны теперь структурировать космополитический правопорядок. Такая аналогия побудила предложить это новое состояние в терминах учреждения мировой республики. Кант, однако, чувствовал препятствие на пути немедленной реализации этой идеи, поскольку опасался деспотических тенденций, которые, как он считал, свойственны уравнивающей структуре мировой республики. Нечто подобное страху Фуко перед репрессивной «нормализацией» побуждает Канта выбрать временный суррогат лиги наций. До поры до времени он усматривал в глобальной монополии на власть единственную легально институционализированную альтернативу классической конкуренции между суверенными государствами. Поскольку оказалось, что эта альтернатива имеет, по крайней мере в настоящих условиях, опасные последствия, то, по-видимому, лучше начинать не с реализации космополитического правопорядка посредством принудительного права, а с более слабой формы добровольной ассоциации миролюбивых республик.

Однако альтернатива, которая вынудила Канта прийти к этому заключению, ни в коем случае не является исчерпывающей. Если мы задумаемся над юридическим умиротворением находящейся в состоянии войны международной арены в достаточно абстрактных терминах и откажемся от наполнения идеи космополитического правопорядка ложными аналогиями, окажется возможным, по крайней мере *концептуально*, другой путь конституционализации международного права, – на основе понятий либерализма, федерализма и плюрализма. Отвлекаясь от существующих современных структур, можно представить политическое устройство децентрализованного мирового общества как многоуровневую систему, не имеющую, в силу веских оснований, характера государства¹.

Согласно этой концепции, соответственно преобразованная мировая организация эффективно и не выборочно выполняла бы жизненные,

но *строго ограниченные функции* обеспечения мира и осуществления прав человека на *наднациональном уровне*, не имея необходимости принимать государствовподобный характер мировой республики. На промежуточном, или *межнациональном уровне*, ведущие государства обратились бы к трудным проблемам глобальной внутренней политики. В рамках постоянных конференций и переговоров они должны были бы ответить на вызовы, отрегулировать и сбалансировать мировую экономику и экологию. Конечно, кроме США, в настоящее время нет иных глобальных игроков как с достаточно представительным мандатом, чтобы вести переговоры, так и с необходимой силой, чтобы осуществлять такую политику. В различных регионах мира национальные государства должны были бы объединиться, чтобы сформировать континентальные режимы, наподобие модели будущего Европейского союза, которые обрели бы силу для собственной эффективной внешней политики. Международные отношения, какими мы их знаем, продолжили бы существовать в измененной форме на этом промежуточном уровне – измененных уже потому, что при эффективном режиме мира и безопасности Организации Объединенных Наций даже глобальным игрокам будет запрещено прибегать к войне как легитимному средству разрешения конфликтов.

Таким образом, модель конституционного государства глобального масштаба не является единственным способом соответствия высоким требованиям «космополитического правопорядка». Схематическое представление многоуровневой системы, которая на наднациональном уровне выполняет функцию международной безопасности и защиты прав человека, что является целью Устава ООН, и которая на межнациональном уровне решает проблемы глобальной внутренней политики через компромиссы среди главных внутренних сил, служит здесь просто иллюстрацией *концептуальной* альтернативы мировой республике. Есть, однако, одна особенность такого *глобального управления без мирового правительства*, и она заслуживает внимания. В этой модели обособленно представлены три элемента, которые пока слиты воедино в одном и том же институте – национальном государстве. Исключительно успешный формат современного европейского национального государства стал политическим прототипом с тех пор, как после Второй мировой войны начался процесс деколонизации. Организация Объединенных Наций включает сегодня 193 «национальных государств»

¹ Habermas, *The Postnational Constellation*, trans. Max Pensky (Cambridge: Polity Press, 2001).

ва». В национальном государстве объединены три элемента – государственный аппарат, солидарность между гражданами и установление либеральной демократии. Связь этих трех элементов – бюрократической организации, политической интеграции через общие ценности и юридической гарантии равной частной и публичной автономии – распадется, как только мы расширим политические системы за пределы национального государства. Они будут расходиться и вступать в новые конфигурации, если настоящее культурно разделенное и сильно стратифицированное мировое общество не сможет однажды приобрести политическую конституцию. Если же мы хотим избежать западни глобального государства (Ганс Кельзен говорил о «Weltstaatsfalle» – «ловушке мирового государства»), то мы должны понять, что *государство* в его современной форме не является необходимым предварительным условием *конституционного* порядка. Так, наднациональные сообщества, типа ООН или ЕС, не обладают монополией на легитимное использование силы. У них нет основного элемента внутреннего и внешнего суверенитета современного административного и основанного на налогообложении государства, которое гарантирует и демократию, и верховенство права. И, тем не менее, им удастся утвердить примат наднационального права над национальными правопорядками.

(2) Рассмотрим теперь те следы, которые проект Канта оставил в фактической истории международного права. Если мы хотим отдать должное сохраняющейся актуальности этого проекта, то мы должны посмотреть за пределы исторического горизонта самого Канта. Он также был сыном своего времени. Но провинциальность перед лицом (*vis-à-vis*) будущего, которую все мы разделяем, вовсе не является возражением универсалистской программе кантовской моральной и правовой теории. Пользуясь задаром полученным эпистемологическим преимуществом более поздних поколений, мы можем оглянуться с дистанции в двести лет на диалектическое развитие европейского международного права.

Две мировых войны двадцатого столетия вместе с концом холодной войны являются разрывами в этом юридическом развитии, хотя последний разрыв еще не кажется столь же очевидным, как предыдущие два. Первая и Вторая мировые войны походили на водоразделы, о которые разбивались старые надежды и тут же возникали новые. Лига Наций и Организация Объединенных Наций – это главные, хотя случайные

и обратимые, достижения на длинном и трудном пути к политической конституции для мирового сообщества. Однако Лига Наций развалилась, поскольку Япония вторглась в Маньчжурию, Италия захватила Абиссинию, и агрессивные военные приготовления Гитлера принесли свои первые плоды в аншлусе с Австрией и аннексии Судет. Деятельность Организации Объединенных Наций также сталкивалась с препятствиями, хотя она и не была полностью парализована из-за разногласий между ведущими державами и блокированием Совета Безопасности. Третий разрыв, крах Советского Союза, также вселил надежды на новый мировой порядок под руководством всемирной организации. С рядом гуманитарных, поддерживающих и укрепляющих мир вмешательств, с учреждением военных трибуналов и судебного преследования за нарушение прав человека Организация Объединенных Наций, казалось, обрела наконец способность к независимым инициативам. Но в то же время повышается нестабильность, включая террористические нападения, интерпретируемые США и его союзниками как «объявление войны» против Запада.

События, достигшие кульминации во время вторжения в Ирак коалиционных войск в марте 2003 года, создали неоднозначную ситуацию, которая не имеет аналогов в истории международного права. С одной стороны, самый мощный член Организации Объединенных Наций игнорирует ее фундаментальную норму, запрещение насилия. С другой стороны, это проявление нарушения действующего права не разрушило мировую организацию, и она выходит из этого конфликта, как нам кажется, с возросшим международным авторитетом. Такая противоречивая ситуация не позволяет надежно спрогнозировать перспективу соответствующим образом измененного кантовского проекта. Но, тем не менее, может пролить свет на нормативные аргументы «за» и «против». Итак, вернемся к истокам этой ситуации.

(а) С основанием Лиги Наций кантовский проект впервые был вынесен на практическую политическую повестку дня, а вскоре оказался в центре важнейших дискуссий между юристами – специалистами в области конституционного и международного права¹. Только после окончания Первой мировой войны со всеми ее шокирующими ужасами, оказавшимися для многих неожиданностью, идея Канта возымела влияние на теорию и политику права. Однако в истощенной

¹ Ганс Кельзен (Hans Kelsen) и Карл Шмитт (Carl Schmitt) были вовлечены в дискуссию с Георгом Скелем (George Scelle) и Гершем Лаутерпахтом (Hersch Lauterpacht).

и опустошенной послевоенной Европе лозунги мирного движения были более популярными среди граждан, чем среди правительств. Первая попытка воплощения философской идеи в практику осуществилась благодаря инициативе американского президента, который, благодаря своему юридическому образованию, оказался хорошо подготовленным к решению этой задаче. Под влиянием прогрессивных интернационалистов, особенно Женской партии за мир и британских радикалов из Союза демократического контроля¹, Вудро Вильсон еще в ходе войны разработал идею мирной лиги как ядра послевоенного глобального порядка и представил ее в мае 1916 года в обращении к *Американской лиге за укрепление мира (American League to Enforce Peace)*. Против нерешительности европейских союзников он мог пустить в ход в полном объеме значительную силу, которая впервые решительно вмешалась в европейские конфликты.

В Германии политически активные ученые и интеллигенция, такие как Карл Форлендер (Karl Vorländer), Карл Каутский (Karl Kautsky) и Эдвард Шпрангер (Edward Spranger), сразу же распознали идею лиги наций Канта². Хотя Вильсон никогда не апеллировал непосредственно к работе Канта «К вечному миру», отдельные косвенные доказательства демонстрируют, что он был знаком с этим источником³. Первый пункт Статьи 11 Устава Лиги Наций предусматривает, что «любая война или угроза войны, которая непосредственно или опосредованно затрагивает любого из членов Лиги, представляет повод для беспокойства для всей Лиги». Другими словами, никому из членов Лиги не было позволено оставаться нейтральным в случае угрозы международной безопасности. А нейтралитет является следствием права вступить в войну. Это торжественное обязательство членов привело в 1928 году к абсолютному запрещению агрессивных войн в Статье 1 Пакта Келлога-Брайнда (Kellogg-Briand Pact), в который американские юристы снова внесли большой вклад.

Следуя кантовской модели, Лига Наций должна была достигнуть этой цели через *добровольное* самообязательство мирных суверенных и либеральных государств. Таким образом, федерация должна была объединить *государственный суверенитет с государственной солидарностью*

на основе демократического самоопределения народов, организованных посредством национальных государств и в их пределах. Как по Канту, так и по Вильсону, только реализация космополитического правопорядка будет означать окончательное устранение войны: «То, что мы ищем, есть господство права, основанное на согласии управляемых и поддержанное организованным мнением человечества»⁴.

Условия Статей 8–17 Устава относительно предотвращения войны устанавливают систему коллективной безопасности на основе взаимных обязательств прийти на помощь друг другу, ограничения на вооружения, экономических санкций и процедур мирного арбитража (арбитражной комиссией, международным судом или Ассамблеей Лиги)⁵. Но без юридической кодификации нового преступления – «наступательной войны», без международного суда с достаточными компетенциями и без наднациональной власти, желающей и способной наложить эффективные санкции на воинственные государства, Лига не имела никаких средств для эффективного противостояния агрессии, образовавшейся позднее «оси» государств – Японии, Италии и Германии (которые уже вышли из Лиги). Фашистская Германия начала мировую войну, которая не просто нанесла физический и материальный ущерб Европе; распад в цивилизации вышел далеко за пределы разрушений войны и бросил вызов остальной части человечества.

(б) С этих пор зло, которое следовало предотвратить, нельзя было сводить только к войне. Массовые преступления нацистского режима, кульминацией которых было уничтожение европейских евреев, и государственные преступления, совершенные тоталитарными режимами против своих собственных граждан, разрушили основу, на которой была возведена презумпция невиновности суверенных субъектов международного права. Чудовищные преступления показали нелепость приписывания нравственной и уголовной индифферентности действию государства. На представителей власти, включая чиновников, функционеров и сотрудников, теперь уже не распространялся иммунитет. Предвосхищая определения преступлений, которые впоследствии стали частью международного права, военные трибуналы в Нюрнберге и Токио осудили представителей, чиновников и функционеров

¹ Thomas Knock, *Woodrow Wilson and the League of Nations* (Princeton, NJ, 1892), chapter 4.

² G. Beestermöller, *Die Volkerbundidee* (Stuttgart, 1995), pp. 16ff.

³ Beestermöller, *Die Volkerbundidee*, pp. 101 ff.

⁴ R. S. Baker, ed., *The Public Papers of Woodrow Wilson*, vol. 1 (New York, 1925), p. 233.

⁵ A. Verdross and B. Simma, *Universelles Völkerrecht*, 3rd ed. (Berlin, 1984), pp. 66ff.

побежденных режимов за преступление развязывания войны, преступления во время войны и за преступления против человечности. Это означало начало конца международного права как права государств. Это также устанавливало моральные параметры для длительного процесса борьбы за утверждение идеи создания международного уголовного суда.

В отличие от постыдного провала Лиги Наций в межвоенные годы, вторая половина двадцатого столетия была отмечена контрастом между успешными нововведениями в международном праве, с одной стороны, и вызванной холодной войной блокировкой их применения, с другой. Нововведения в международном праве, первоначально не имевшие большого влияния, с 1945 года выходят далеко за пределы кантовского «супругата» добровольной федерации независимых республик. Они не столько ориентируют на утверждение некоей мировой республики, обладающей глобальной монополией на власть, сколько, скорее нацеливают – по крайней мере, на это притязают – на установление санкционированного режима мира и прав человека на наднациональном уровне, который должен создать рамки для глобальной внутринациональной политики без глобального правительства на межнациональном уровне, поскольку глобальное общество становится пацифистским и либерализованным.

Конечно, вопрос о том, может ли Устав ООН интерпретироваться как конституция, является предметом серьезного спора среди ученых-юристов¹. Я просто упомяну те три важные нормативные новшества, которые содержатся в Уставе Организации Объединенных Наций, в отличие от Устава Лиги Наций, и которые, *на первый взгляд (prima facie)*, имеют черты конституции:

- непосредственная связь цели обеспечения мира с обязательной политикой прав человека;
- сочетание запрещения на применение насилия и реалистической угрозы судебного преследования и санкций (в Главе VII Устава);
- включающий характер мировой организации и требование универсальной юридической силы (validity) создаваемого ею права.

¹ Fassbender, «The United Nations Charter as Constitution of the International Community», предлагает список восьми структурных особенностей конституции: учреждающий момент (Constitutive Moment), система правления (System of Governance), определение членства (Definition of Membership), иерархия норм (Hierarchy of Norms), «вечность» и изменения («Eternity» and Amendment), «устав» («Charter»), конституционная история (Constitutional History), универсальность (Universality) и проблема суверенитета (the Problem of Sovereignty).

Безусловно, только исторические перемены 1989-1990 годов поставили на повестку дня вопрос о том, обладает ли Организация Объединенных Наций конституцией, требующей, чтобы ее государства-члены изменили их политическое самопонимание конструктивным способом – то есть чувствовали себя и друг друга скорее как члены международных сообществ, чем как суверенные акторы. В период холодной войны между нормами и фактами разверзлась пропасть. Дискурс на тему прав человека был сведен к явной риторике, и очевидное бессилие международного права не могло не способствовать реалистичной школе международных отношений, которая помогала формировать политику и в Вашингтоне, и в Москве.

(в) Позвольте мне завершить свои рассуждения обзором текущего положения. Как только состязание между социальными системами и блокирование Совета Безопасности были преодолены, многие ожидали, что ООН, до тех пор представлявшая собой «флот в гавани» («fleet in being»), станет важным форумом глобальной политики. И, на первый взгляд, надежда, казалось, оправдывалась. Начиная с первой войны в Ираке, между 1990 и 1994 годами, Совет Безопасности разрешил экономические санкции и вмешательства для поддержания мира в восьми случаях, и военные вмешательства в пяти других. После затруднений в Боснии и Сомали такие вмешательства осуществлялись более осторожно; но кроме эмбарго на оружие и экономических санкций, с санкции ООН были осуществлены миссии в Заире, Албании, Центральноафриканской Республике, Сьерра-Леоне, Косово, Восточном Тиморе, Конго и Афганистане. Глобальная политическая роль Совета Безопасности также стала понятной в тех двух случаях, в которых он *отказался* в согласии на военные вмешательства, а именно, вмешательство НАТО в Косово и вторжение в Ирак американских и союзнических войск.

Три обстоятельства подчеркивают возросшую политическую власть Организации Объединенных Наций в течение 90-х годов. Совет Безопасности оказывается вовлеченным не только в международные конфликты, – он уже вмешивается и во внутренне-государственные *конфликты*. Кроме того, Совет Безопасности, следуя традиции Нюрнберга и Токио, создал *военные трибуналы* для Руанды и бывшей Югославии. Наконец, сомнительная концепция так называемых «государств-преступников»² (rogue-states) (Джон Ролз использует более нейтральный термин «государст-

² Жак Деррида (Jacques Derrida).

ва-изгои» (outlaw-states)) означает не только вторжение фундаменталистского мировоззрения в риторику ведущей западной державы, но также и материализацию практики признания в международном праве. Вопрос получения и сохранения международного признания больше не является чисто формальным. В международных отношениях государства, нарушающие международную безопасность или стандарты прав человека, все в большей степени подвергаются санкциям.

С другой стороны, противовесом этим достижениям оказываются отрезвляющие факты. Мировая организация имеет слабую финансовую базу. Во многих вмешательствах она сталкивается с тактикой проволочек со стороны не идущих на сотрудничество правительств, которые по-прежнему обладают исключительным контролем над военными ресурсами и зависят, в свою очередь, от поддержки своей национальной общности. Вмешательство в гражданскую войну в Сомали закончилось полным провалом. Тем не менее, намного худшим вариантом, чем такие неудачные вмешательства, являются невмешательство или вмешательство запоздалое, как случилось в иракском Курдистане, Анголе, Конго, Нигерии, Шри-Ланке и, – это также следует упомянуть, – Афганистане, не говоря уже о Руанде и существующей ситуации в Судане. Если не брать во внимание того факта, что члены Совета Безопасности, обладающие правом вето, такие как Россия и Китай, могут воспрепятствовать любому вмешательству в их «внутренние дела», при таком избирательном отношении и асимметричной оценке гуманитарных катастроф особенно страдает африканский континент.

Такая постыдная роль Совета Безопасности в отношении того, что принимается во внимание и по поводу чего принимаются решения, свидетельствует о преобладании национальных интересов над глобальными обязательствами международного сообщества. Опрометчивое игнорирование обязательств особенно характерно для Запада, который сталкивается с отрицательными проявлениями по сути неудавшегося процесса деколонизации в дополнение к долгосрочным следствиям его колониальной истории, не говоря уже о негативных последствиях экономической глобализации, которая не имеет достаточной политической институционализации¹.

Организация Объединенных Наций все больше и больше сталкивается с новым типом насилия в обеих из его приоритетных областей компетентности, а именно, с угрозами международ-

ной безопасности и массовыми нарушениями прав человека. В ответ на вызовы преступных государств ООН может в случае необходимости мобилизовать военные силы государств-членов. Но эти угрозы, исходящие от преступных государств, все в большей степени отступают на второй план перед риском, вызванным приватизированным насилием, уже не связанным с вооруженными силами функционирующего государства. В отличие от классических гражданских войн между идеологическими противниками, «новые войны» довольно часто имеют своим источником «разваливающиеся государства» («failing states»), что является следствием краха государственной власти, которая фрагментируется в безобразную смесь этнонационализма, племенной вражды, международной преступности и гражданской войны².

(3) Ввиду этой неопределенной ситуации мы вправе поставить вопрос: можем ли мы все еще надеяться на то, что прогресс в конституционализации международного права, после двух разительных провалов, приобретет, тем не менее, динамику саморазвития? Или эта ситуация знаменует начало конца всего проекта юридикации международных отношений? Ответ требовал бы надлежащего эмпирического анализа существующего перехода от национальной к постнациональной констелляции. Слабость ООН в осуществлении реформ очевидна, так как новые типы приватизированного насилия совершенно безотлагательно требуют конструктивных преобразований международного сообщества. Они представляют собой просто самые очевидные признаки разложения констелляции классического модерна, для которой характерно доминирование взаимодействия независимых национальных государств. Но те тенденции, которые в настоящее время завоевывают внимание под именем глобализации, не только *действуют вопреки* кантовскому проекту; некоторые из них все же *идут ему навстречу*. Ожидание космополитического правопорядка находит в глобализации также благоприятный контекст, смягчающий первоначальное впечатление о непреодолимости сил, выступающих против политической конституции для глобального общества. Я не могу сейчас входить в эти сложные эмпирические проблемы. В конце я могу только вернуться к нашему нормативному вопросу: является ли фактическая неэффективность ООН достаточной причиной для отказа от кантовского проекта перед лицом стоящих перед нами вызовов?

¹ H. Münkler, *Die neue Kriege* (Hamburg, 2002), pp. 13 ff.

² Münkler, *ibid.*; Zangl and Ziim, *Frieden und Krieg*, pp. 172–205.

С окончанием холодной войны появился однополярный глобальный порядок, в котором безусловно доминирует военная, экономическая и технологическая сверхдержава. То счастливое обстоятельство, что Соединенные Штаты являются в то же время старейшей демократией в мире, может вдохновить на концепцию, отличающуюся от концепции гегемонистического либерализма. Неоконсервативный и неокантианский проекты согласуются по своим целям на абстрактном уровне. Оба требуют обеспечения международной безопасности и прав человека во всем мире, но они, со всей очевидностью, отличаются по выбору средств и в детализации выбранных целей.

Что касается средств, *этически обоснованный* унилатерализм (unilateralism) больше не ощущает себя ограниченным установленными процедурами в *международном праве*. И относительно конкретной формы нового глобального порядка гегемонистский либерализм не стремится к правовому (law-governed), политически сконструированному мировому обществу, но вместо такого космополитического правопорядка он стремится к международному порядку формально независимых либеральных государств, которые действуют под защитой обеспечивающей мир сверхдержавы и повинуются императивам полностью либерализованных глобальных рынков. Согласно этой модели, мир был бы обеспечен не благодаря праву, а благодаря этическим ценностям имперской власти; и мировое общество было бы интегрировано не через *политические* отношения среди граждан мира (world citizens), а через *системные* отношения (systemic relations), в конечном счете, через рынок. Я думаю, что ни тщательное эмпирическое, ни обоснованное нормативное рассмотрение не поддерживают такое видение.

Бесспорно, острая опасность международного терроризма не может быть эффективно побеждена при помощи классических средств ведения войны между государствами, а следовательно, и военным превосходством односторонне действующей сверхдержавы. Только эффективная координация разведывательных служб, полиции и уголовного правосудия, а также выявление преступных финансовых переводов ударит по материальному обеспечению противника; и только сочетание социальной модернизации с самокритичным диалогом между культурами, в конечном счете, позволит добраться до корней терроризма. Эти средства больше доступны для международного сообщества, объединенного горизонтально и обязанного эффективно сотрудничать, чем унилатерализм доминирующего государства, ко-

торое либо игнорирует, либо инструментализирует международное право. Образ однополярного мира точно отражает асимметричное распределение политической власти, но искажает то обстоятельство, что сложность дифференцированного и высоко взаимозависимого мирового общества не может больше быть управляемым из центра. Конфликты между культурами и основными религиями не могут больше контролироваться исключительно военными средствами, в отличие от кризисов на мировых рынках, которыми возможно осуществлять регулирование административными средствами.

Отвлекаясь от этих эмпирических оснований, укажем, что гегемонистский либерализм не может также опираться ни на какие *нормативные основания*. Даже если мы начнем с наилучшего сценария ситуации и предположим самые чистые мотивы и самую разумную политику гегемонистского государства (hegemonic power), то и тогда «благожелательный гегемон» («well-intentioned hegemon») столкнется с непреодолимыми когнитивными препятствиями. Государство, которое в определенной ситуации должно самостоятельно принимать решения о самозащите, о гуманитарных вмешательствах или о международных трибуналах, может действовать предельно осмотрительно; однако при неизбежном взвешивании благ оно никогда не будет уверено, действительно ли ему удалось вычленить свои национальные интересы из интересов, общих для всех других народов. Эта неспособность – вопрос логики практического дискурса, а не доброй воли или злых намерений. Любое предвосхищение одной из сторон того, что было бы рационально приемлемым для всех сторон, можно проверить, только подвергнув это предположительно беспристрастное суждение дискурсивной процедуре формирования мнения и воли.

«Дискурсивные» процедуры делают эгалитарные решения зависящими от предшествующей аргументации (чтобы только обоснованные решения были приняты); они являются, кроме того, включающими (inclusive) (чтобы все заинтересованные стороны могли участвовать); и они требуют от участников учета перспектив каждого другого (чтобы была возможна справедливая оценка всех затронутых интересов). Таково когнитивное значение беспристрастного процесса принятия решений. Если исходить из этого стандарта, то этическое обоснование унилатерализма (одностороннего действия) посредством обращения к предположительно универсальным ценностям *собственной* политической культуры ока-

жется неизбежно пристрастным [Habermas, «Reply to Symposium Participants, Benjamin N. Cardozo School of Law», *Cardozo Law Review* 17/4–5: 1477–1557].

Этот недостаток нельзя компенсировать внутренним демократическим устройством гегемона. Граждане сталкиваются с той же когнитивной дилеммой, что и их правительство. Граждане, принадлежащие к одному политическому сообществу, не могут предвидеть, к каким результатам приведут локальная интерпретация и применение универсальных ценностей в культурном

контексте другого политического сообщества. С другой стороны, то обстоятельство, что сверхдержава имеет либеральную конституцию, является действительно знаменательным. Граждане демократического политического сообщества не могут, в конечном счете, оставаться нечувствительными к когнитивному диссонансу между универсалистскими призывами и партикуляристской природой фактических действий и очевидных мотиваций.

Ю. Хабермас

КАНТИАНСЬКИЙ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦІОНАЛІЗАЦІЇ МІЖНАРОДНОГО ПРАВА. ЧИ Є У НЬОГО МАЙБУТНЄ?

Вступна доповідь на XXII Всесвітньому конгресі з філософії права і соціальної філософії «Право і справедливість в глобальному суспільстві», в якій автор (1) пояснює кантіанський проект «космополітичного правопорядку»; (2) оцінює перспективи для модифікованого космополітизму в світлі історії міжнародного права і (3) обґрунтовує переваги проекту конституціоналізації міжнародного права порівнянно з конкуруючими проектами домінування грубої сили над правом і моралізації міжнародної політики, що визначається етосом супердержави. Переклад російською мовою, з дозволу автора, професора С. І. Максимова.

J.Habermas

THE KANTIAN PROJECT OF THE CONSTITUTIONALIZATION OF INTERNATIONAL LAW. DOES IT HAVE A CHANCE?

The opening lecture at the XXII World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy «Law and Justice in Global Society», in which the author (1) explains the Kantian project of ‘cosmopolitan condition’, (2) briefly verifies prospects of a modified cosmopolitanism in the light of the history of international law and (3) provides the views for priority of the project of constitutionalisation of international law in comparison to the presently competing projects of the primacy of brute power over law and the moralisation of international politics which is determined by the ethos of superpower. (Translated into Russian, with the author’s permission, by Professor Serhiy Maksymov (Sergei Maksimov)).